

УДК 821.161.1 – 2.09 “19”

Е.А. Гулич

**«БОЛЕЗНЬ ИЛИ РЕКЛАМА?»
(К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ
Л.Я. ГУРЕВИЧ)**

Литературно-критическая деятельность Л.Я. Гуревич была заметным и важным явлением литературы рубежа эпох. Энтузиаст-редактор одного из самых популярных журналов конца XIX в. «Северный вестник», собеседница и помощник А.Л. Вольнского, отчаянный публикатор наиболее сенсационных произведений русского символизма, она видела себя писателем, принадлежащим к традиционной реалистической школе и критиком, отстаивающим каноны эстетической теории, основанной на традициях и заветах великих русских писателей.

Цель данного исследования – проанализировать своеобразие эстетических позиций Л.Я. Гуревич, проявившихся в оценке новых явлений в литературном процессе конца XIX начала XX вв. Изучение ее критического наследия в историко-литературном контексте этого периода способно восполнить существенный пробел в истории русской литературы, связанный с судьбой поздненароднической эстетики в новой социокультурной ситуации.

Несмотря на чрезвычайно широкий спектр деятельности Л.Я. Гуревич, в советском литературоведении имя ее в большей степени связывалось все же с историей «Северного вестника»: судьба журнала переплелась с судьбой его издательницы и редактора. Публикации, посвященные «Северному вестнику», имеют непосредственное отношение и к литературно-критической деятельности Л.Я. Гуревич.

Одним из первых к изучению истории журнала обратился Д.Е. Максимов в статье «“Северный вестник” и символисты» (1930) [10], до сих пор не потерявшей своей ценности. Благодаря этой публикации долгое время бытовало мнение, что именно этот журнал являлся первым печатным органом символистов. Такая

точка зрения просуществовала почти три десятилетия и была пересмотрена П.В. Куприяновским, который опубликовал ряд статей по истории создания журнала и сотрудничества в нем крупнейших писателей: «А.П. Чехов и журнал “Северный вестник”» (1958) [6], «Л.Н. Толстой и Н.С. Лесков в журнале “Северный вестник”» (1962) [8], «М. Горький и “Северный вестник”» (1968) [9], «История журнала “Северный вестник”» (1970) [7]. В одной из них автор, цитируя Л.Н. Толстого, отмечает, что «при общей оценке “Северного вестника” нельзя ограничиваться характеристикой его лишь как первого органа символистов, а нужно учитывать сложность и противоречивость его позиции. Именно благодаря этой сложности и даже эклектичности “Северный вестник” был проводником не только символистских “ценностей”, но и ценностей общекультурных, демократических и гуманистических» [8, с. 150]. Обратим внимание, что автор статьи противопоставляет идеалы символистов иным ценностям, и создается впечатление, что в символистском миропонимании им не было места. Между тем это не так: и «общекультурные», и «гуманистические» ценности были им не чужды. Что же касается ценностей «демократических», они, конечно, не были символистам близки, если речь идет о том, как понималась демократия в 1950–1970-х гг., когда исследователь издавал свои статьи и вынужден был делать ритуальные выводы против изысканной эстетики русских символистов. Наблюдения П.В. Куприяновского нашли развитие в публикациях Л.В. Крутиковой «Северный вестник» (1965) [5], а также М.Л. Мирза-Авакяна «“Северный вестник” – журнал раннего модернизма» (1971) [11]. К сожалению, исследователи оставили вне поля зрения не только роль Л.Я. Гуревич в эволюции направления журнала, но и персональную позицию издательницы, ее концепцию восприятия новых литературных явлений. Этот аспект, на наш взгляд, требует дополнительного освещения.

«Болезнь или реклама?» – так называлась статья бывшего пайщика и редактора «Северного вестника» Б.Б. Глинского, в которой он первым обвинил Л.Я. Гуревич в изменении направления журнала, полагая, что издательница напрасно превратила журнал в

«колыбель символизма» [1]. В статье автор писал об эпидемии, которая поразила молодое поколение писателей (к ним он отнес К. Фофанова, Д. Мережковского, З. Гиппиус, А. Волынского, Л. Гуревич, З. Венгерову и т.д.). Статья была написана в саркастическом тоне. «...Больных набралось такое количество, – писал Б.Б. Глинский, – что для них потребовалась даже своего рода “Палата №6”, которая нашла себе помещение в редакции “Северного вестника”!» [1, с. 618]. В заключении автор восклицает: «Жаль, что г-жа Гуревич вступила на скользкий путь скверной рекламы и подписала манифест «Идеализм и буржуазия» (в котором была изложена программа журнала)» [1, с. 655].

Между тем в этих упреках была часть истины: «Северный вестник», действительно, как было отмечено выше, вошел в историю литературы как издание, ставшее площадкой для многих начинающих писателей-символистов и не только. Огромная заслуга в этом принадлежит именно Л.Я. Гуревич. Но какую цель преследовала издательница, печатая в «Северном вестнике» произведения молодых символистов? Была ли это дань моде или отчаянная попытка спасти «идуший ко дну» журнал? Как можно объяснить такое разнообразие материала, который печатался в беллетристическом отделе издания? Подобные вопросы долгое время оставались без внимания исследователей.

Однако из архивных материалов известно, что когда в «Северном вестнике» начали выходить «Русские критики» А.Л. Волынского, то журнал сразу потерял огромную часть аудитории, т.к. многим подписчикам не понравилось стремление Л.Я. Гуревич превратить издание в трибуну для выражения идеалистической теории своего кумира. Все это прибавило финансовых проблем издательнице, и ей ничего не оставалось, как искать всевозможные пути привлечения новой читательской аудитории. Нужно воздать должное смелости Л.Я. Гуревич, которая не побоялась пойти по новому пути и поддержать молодых писателей, хотя сам А.Л. Волынский не одобрял этого. Однако Л.Я. Гуревич была не только хорошим организатором, координатором, но и прекрасным дипломатом. Далеко не каждый

писатель соглашался печататься в одном журнале со скандальным критиком, более того, на соседних страницах «Северного вестника» можно было увидеть произведения А.Чехова и начинающего Ф. Сологуба, стихи Н. Минского, З. Гиппиус, К. Бальмонта, К. Льдова, К. Фофанова и А. Апухтина, робкие пробы Л. Андреева, В. Соловьева и рассказы Л. Толстого, Н. Лескова, Ф. Нефедова, К. Баранцевича, женские рассказы В. Микулич, Е. Летковой, О. Шепир, стихи поэтессы М. Лохвицкой. а также переводы произведений Г. Ибсена, Ги де Мопассана, Э. Золя и т.д. Такой авторской «мозаики» нельзя было встретить ни в одном толстом журнале той поры. Таким образом, с одной стороны, выступая популяризатором произведений молодых писателей, Л.Я. Гуревич принимала необходимость перемен в литературе, но, с другой стороны, нельзя исключать, что, привлекая в журнал «новые силы», издательница пыталась решить коммерческие вопросы.

Знакомство с произведениями молодых писателей подтолкнуло Л.Я. Гуревич к размышлениям о новых задачах литературы и искусства в «период переходности», которые она изложила в ряде литературно-критических статей, вошедших в ее книгу «Литература и эстетика» [2].

Нужно отметить, что немаловажную роль в двойственной позиции Л.Я. Гуревич по отношению к литературным новшествам сыграла и сама эпоха переходности, в которой сосуществовали одновременно представители уходящего столетия и создатели новых школ в литературе и искусстве.

В.А. Гусев в книге «Литература в ситуации переходности» (2000) [3] задается вопросом о причинах разногласия в критике периода переходности. Отвечая на него, он осмысливает особенности порубежной литературной ситуации «между двумя мирами», когда «системы этических и эстетических норм неуравновешенны и подвижны: старое распалось, а новое еще не сложилось. Вследствие этого и у читателя, и у литературного критика возникает ощущение, что текущая литература не может соответствовать новым требованиям, к тому же и сами критерии оценки, “точки отсчета”

были подвижны и неустойчивы, русская общественность ждала кардинальных перемен...» [3, с. 23]. Об этом же писала Л.Я. Гуревич столетие назад в одной из статей: «Мы накануне кризиса, даже переживаем его – кризиса модных лозунгов и приближения нового периода литературного развития, периода прекрасной ясности» [2, с. 82]. В эпитафии к одной из статей сформулирована своего рода программа литературного критика, адресованная современникам: «Все более, чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани, даже и не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе. Все чего-то ищут уже не вне, а внутри себя» [2, с. 1]. Таким образом, для Л.Я. Гуревич в какой-то момент оказывается важным не только то, какой писатель видит и отражает действительность, но и его собственный духовный багаж, способность в период глубоких перемен говорить не о временном и преходящем, а о вне-временном и вечном.

Соглашаясь с неизбежностью перемен, Л.Я. Гуревич стремилась сохранить наследие русского реализма, призывала использовать его достижения и в литературе, и в театре. Потому творческие искания представителей новых литературных течений, будь то молодые символисты или просто «новые силы», не соответствовали литературно-эстетическим позициям Л.Я. Гуревич, а произведения Л.Н. Андреева, Ф.К. Сологуба, Б.К. Зайцева и многих других не были приняты ею и подвергались взыскательной критике. В произведениях Л.Н. Андреева и Ф.К. Сологуба она отмечала «хаос противоречий», присущий творчеству обоих мотив одиночества, общность «душевных настроений» и «недугов», которые проявились в их произведениях. Противоречивость мировосприятия молодых авторов и смелость содержания их произведений раздражали Л.Я. Гуревич. Она обвиняла писателей в отсутствии чувства ответственности за «всякое написанное слово», упрекала в чрезмерной детализации «бытового фона», недостаточной разработанности мотивов. Выдвигая целый ряд претензий к пьесе Л.Н. Андреева «Черные маски», Л.Я. Гуревич не смогла раскрыть авторские символы, принять новаторство формы, понять двоящийся образ Анатэмы. Все это

послужило поводом для резко отрицательной оценки пьесы. В этом смысле она не была одинока и присоединилась к целому хору критиков этого произведения. Отличает ее позицию от мнения современников то, что Л.Я. Гуревич не пыталась закрепить писателя ни за одним из художественных течений. Драматургия Л.Н. Андреева относилась к нереалистическому искусству – этого было достаточно, чтобы Л.Я. Гуревич не приняла ни смелые творческие идеи начинающего драматурга, ни его позицию в целом.

Разочарование постигло Л.Я. Гуревич и в отношении молодого писателя Б.К. Зайцева, с драматургией которого она связывала возможность возрождения психологического театра. Однако критик признала несостоятельность своих надежд, поскольку Б.К. Зайцев не стал частью «нового», а лишь шел, по ее мнению, путем многих своих современников: в намеченных им образах ощущалась интеллектуальность, и отсутствовало, по мнению автора, непосредственное художественное чувство. Л.Я. Гуревич не смогла рассмотреть в Б.К. Зайцеве творческой искры, посчитала его заурядным представителем современной литературы, замкнутым в себе писателем-индивидуалистом, что оказалось совершенно неверным. Об этом свидетельствует вся последующая творческая биография писателя.

В статьях «Дальнозоркие», «Без мерил» и «От "быта" к "стилю"» Л.Я. Гуревич осмыслила кризисные явления в символизме. Критик резко отказывала этому течению в эстетической ценности. К основным принципам символизма она справедливо относилась «борьбу против "быта"», «истинное содержание словесного искусства», которое состоит в изображении «не видимости жизни», а того, что «скрыто в глубине ее и постигается художником как внутренний смысл ее» [2, с. 259]. Автор статей отстаивала ценности русского реализма, полагала, что именно в нем сохраняется достоинство национальной литературы и истоки для будущего ее развития.

В целом можно сделать вывод о том, что отношение Л.Я. Гуревич ко всем новым явлениям в современном ей литературном процессе было неоднозначным и определялось ее поздненародническими позициями. С одной стороны, как редактор «Северного вестника» она

вносила огромный вклад в популяризацию произведений молодых символистов, полагала, что литература может и должна искать новые средства выразительности. Но когда Л.Я. Гуревич анализировала произведения молодых авторов, то мерилom качества для нее оставалась реалистическая литература, отражавшая типические явления действительности. Иная эстетика, непривычные способы художественности, выявленные Л.Я. Гуревич в произведениях молодых авторов, не находили ее понимания и поддержки. В этом смысле она входит в число критиков, для которых нарождавшиеся художественные явления означали измену лучшим традициям классической литературы. Ошибочность взглядов Л.Я. Гуревич подтвердило время. Однако очевиден тот факт, что она проявила глубокое понимание кризисных явлений, осмыслила противоречивость социокультурной ситуации, в которой они появились. Л.Я. Гуревич не впала ни в одну из крайностей новейшей критики, «не заразилась», как предвещал Б.Б. Глинский, «эпидемией символизма», а продолжала отстаивать свою эстетическую концепцию, основанную на традициях и заветах великих русских писателей.

Литература

1. Глинский Б.Б. Болезнь или реклама? Исторический вестник. 1896. Кн. 2. С. 618–655.
2. Гуревич Л.Я. Литература и эстетика. Критические опыты и этюды. М.: Русская мысль, 1912. 321 с.
3. Гусев В.А. Литература в ситуации переходности: монография. Днепропетровск: ДНУ, 2007. 276 с.
4. Кранихфельд В.П. Литературные отклики: вечный путник. Современный мир. 1910. № 12. С. 57–68.
5. Крутикова Л.В. «Северный вестник». Очерки по истории русской журналистики и критики. Т.2. Вторая пол. XIX в. Л.: ЛГУ, 1965. С. 56–75.
6. Куприяновский П.В. А.П. Чехов и журнал «Северный вестник». Ученые записки ИПГИ имени Д.А. Фурманова. Иваново, 1958. Т. 13. Вып. 4. С. 132–145.
7. Куприяновский П.В. История журнала «Северный вестник». Ученые записки ИПГИ имени Д.А. Фурманова. Иваново, 1970. Т. 59. С. 69–82.

8. Куприяновский П.В. Л.Н. Толстой и Н. Лесков в журнале «Северный вестник». Ученые записки ИПГИ имени Д.А. Фурманова. Иваново, 1962. С. 101–150.
9. Куприяновский П.В. М. Горький и «Северный вестник». М. Горький и его современники. Л., 1968. С. 67–75.
10. Максимов Д.Е. «Северный вестник» и символисты. В.Е. Евгеньев-Максимов, Д.Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Статьи и материалы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, «Профинтерн», 1930. С. 85–128.
11. Мирза-Авакян М.Л. «Северный вестник» – журнал раннего модернизма. Научн. труды Ереванского пед. ин-та рус. и иностр. яз. 1971. № 3. С. 186–200.

Анотація

Е.А. Гулич «Хвороба або реклама?»

(До питання про своєрідність естетичної позиції Л.Я. Гуревич)

У статті проаналізовано своєрідність естетичних позицій Л.Я. Гуревич, що проявилися в оцінці нових тенденцій в літературному процесі кінця ХІХ початку ХХ ст. Встановлено, що радянське літературознавство залишило поза увагою не тільки роль Л.Я. Гуревич в еволюції напрямку «Северного вестника», а й її персональну концепцію сприйняття нових літературних явищ.

В результаті дослідження автор приходить до висновку, що відношення Л.Я. Гуревич до всіх нових явищ в сучасному їй літературному процесі було неоднозначним і визначалося її пізньюнародницькими позиціями. З одного боку, як редактор «Северного вестника» вона вносила величезний внесок у популяризацію творів молодих символістів, вважала, що література може і повинна шукати нові засоби виразності. Але при аналізі творів молодих авторів мірилом якості для неї залишалася реалістична література, що відображала типові явища дійсності. Інша естетика, незвичні способи художності, виявлені критиком в творах молодих авторів, не знаходили її розуміння і підтримки.

Помилковість поглядів Л.Я. Гуревич було підтверджено часом. Однак очевидним є той факт, що вона проявила глибоке розуміння кризових явищ, осмислила суперечливість соціокультурної ситуації, в якій вони з'явилися.

Ключові слова: символізм, кризові явища, соціокультурна ситуація, естетична позиція, реалістична література, епоха перехідності.

Аннотация

Е.А. Гулич «Болезнь или реклама?»

(К вопросу о своеобразии эстетической позиции Л.Я. Гуревич)

В статье проанализировано своеобразие эстетических позиций Л.Я. Гуревич, проявившихся в оценке новых тенденций в литературном процессе конца XIX начала XX вв. Установлено, что советское литературоведение оставило вне поля зрения не только роль издательницы в эволюции направления «Северного вестника», но и ее персональную концепцию восприятия новых литературных явлений.

В результате исследования автор приходит к выводу, что отношение Л.Я. Гуревич ко всем новым явлениям в современном ей литературном процессе было неоднозначным и определялось ее поздненародническими позициями. С одной стороны, как редактор «Северного вестника» она вносила огромный вклад в популяризацию произведений молодых символистов, полагала, что литература может и должна искать новые средства выразительности. Но при анализе произведений молодых авторов мерилom качества для нее оставалась реалистическая литература, отражавшая типические явления действительности. Иная эстетика, непривычные способы художественности, выявленные критиком в произведениях молодых авторов, не находили ее понимания и поддержки.

Ошибочность взглядов Л.Я. Гуревич подтвердило время. Однако очевиден тот факт, что она проявила глубокое понимание кризисных явлений, осмыслила противоречивость социокультурной ситуации, в которой они появились.

Ключевые слова: символизм, кризисные явления, социокультурная ситуация, эстетическая позиция, реалистическая литература, эпоха переходности.

Summary

E. A. Gulich “Illness or advertising?”

(To the problem about the peculiarity of the aesthetic position L. Gurevich)

The article analyzes the originality of the aesthetic positions of L. Gurevich, manifested in the evaluation of new trends in the literary process of the late nineteenth and early twentieth centuries. It is established that Soviet literary criticism left out not only the role of the publisher in the evolution of the direction of “Severny Vestnik”, but also her personal concept of the perception of new literary phenomena.

As a result of the research, the author comes to the conclusion that the attitude of L. Gurevich to all new phenomena in the contemporary literary process was ambiguous and was determined by her late-ethnic positions. On the one hand, as the editor of “Severny Vestnik”, she made a huge contribution to the popularization of the works of young symbolists, believed that literature could and should seek new means of expressiveness. But when analyzing the works of young authors, realistic literature reflecting the typical phenomena of reality, remained for her the yardstick of quality. Other aesthetics, unusual ways of artistry, revealed by the critic in the works of young authors, did not find her understanding and support.

The fallacy of L. Gurevich’s views was confirmed by the time. However, it is obvious that she showed a deep understanding of the crisis phenomena, took into account the contradictory nature of the socio-cultural situation in which they had appeared.

Key words: symbolism, crisis phenomena, socio-cultural situation, aesthetic position, realistic literature, the era of transitivity.

Інформація про автора

Гуліч Олена Олександрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії та практики англійської мови Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Валентинівська, 2, м. Харків, 61168, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-3846-1916>